

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее
Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее
Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее
Медленный человек

Дж. М. Кутзее
Школьные дни Иисуса

Р. Флэнаган
Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган
Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган
Желание

Т. Моррисон
Возлюбленная

Т. Моррисон
Боже, храни мое дитя

Д. Лессинг
Марта Квест

М. Этвуд
Слепой убийца

Б. Дилан
Хроники

Б. Дилан
Тарантул

Г. Свифт
Земля воды

И. Макьюэн
В скорлупе

Р. Флэнаган
Неизвестный террорист

Ричард
Флэнаган

Неизвестный
террорист

Москва
2017

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Ф69

Richard Flanagan
THE UNKNOWN TERRORIST

Copyright © 2006, Richard Flanagan. All rights reserved

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Оформление серии: *К.А. Терина, А.Г. Сауков*

Иллюстрация на суперобложке: *В. Коробейников*

Флэнаган, Ричард.

Ф69 Неизвестный террорист : [роман] / Ричард Флэнаган ; [пер. с англ. И.А. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-93460-7

Что бы вы сделали, если бы однажды проснулись и обнаружили, что стали самым разыскиваемым человеком в стране? Джина Дэвис жила обычной жизнью, ходила на работу, мечтала о собственном доме. Но все это было до встречи с Тариком. Загадочный незнакомец, ночь, проведенная вместе, пробуждение — и вот она уже пособница террориста. В одно мгновение Джина теряет и друзей, и близких. Однако шанс выпутаться из столь сложной ситуации у нее все еще есть. Вот только как им воспользоваться, если окружающие уже вынесли ей смертный приговор?

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-93460-7

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Дэвиду Хиксу

1

Мысль о том, что одной лишь любви человеку недостаточно, весьма болезненна, но справедлива. И, пугаясь этой истины, человечество веками пыталось найти в самом себе доказательства того, что величайшей силой на земле является любовь.

Иисус — один из самых печальных примеров этих безнадежных усилий. Невинному сердцу Иисуса всегда не хватало человеческой любви. И он, по словам Ницше, требовал ее проявления, твердо, яростно, с почти безумной убежденностью, а для тех, кто отказывал ему в любви, был вынужден в качестве наказания изобрести ад. В итоге он даже создал божество, «истинное воплощение любви», дабы оправдать безнадежность и крах любви человеческой.

Иисус, так сильно жаждавший любви, был, безусловно, безумцем, а потому, когда он столкнулся с крахом любви, у него и не оказалось иного выбора, кроме стремления к смерти. Поняв, что одной любви мало, и приняв необходимость принесения в жертву себя самого во имя будущего остальных людей, Иисус оказался первым в истории, хотя и далеко не последним, примером бомбиста-самоубийцы.

Ницше писал: «Я не человек, я динамит». То была метафора мечтателя. Теперь же каждый день кто-нибудь где-то объявляет себя «динамитом». И это отнюдь

не метафора. Эти люди — живые мертвецы, как, впрочем, и те, что оказываются от них поблизости. Реальную действительность никогда не создавали реалисты; ее создавали мечтатели, подобные Иисусу и Ницше.

Ницше тревожило, что основной движущей силой нашего мира является исключительно деструктивное воплощение зла. В своих работах он пытался как-то примирить себя с этим ужасным миром.

Однажды он увидел, как возница нещадно нахлестывает кнутом ломовую лошадь, впряженную в телегу. Ницше бросился к вознице, обнял лошадь за шею и ни за что не желал от нее отходить. Вскоре его признали сумасшедшим и на всю оставшуюся жизнь заперли в лечебнице для душевнобольных.

У Ницше было куда меньше, чем у Иисуса, толкований любви и различных ее проявлений, таких, как попытка проникнуть в чувства другого существа, или простая доброта, или желание обнять лошадь за шею, чтобы защитить ее от побоев. В конце концов, философия, созданная Ницше, оказалась не в состоянии объяснить даже его собственное поведение, а ведь он, по сути дела, пожертвовал жизнью ради какой-то лошади.

Но, с другой стороны, идеи вечно бьют мимо цели. Шопен, например, не сумел бы объяснить, зачем и для чего писал свои ноктюрны. И то, почему Куколку буквально преследовали звуки произведений Шопена, это всего лишь одна из нитей данной истории. В том, чего Шопен объяснить не мог, Куколка слышала мотивы собственной жизни. Но, разумеется, не сумела понять, что эта музыка предсказывает и ее смерть.

Суббота

2

Куколка была танцовщицей на пилоне. Ей уже исполнилось двадцать шесть, но она по привычке — поскольку делала это с семнадцати лет — говорила всем, что ей двадцать два. Она была маленькая, загорелая, с тонкими чертами лица, а ее красивые миндалевидные глаза чудесно оттеняли густые вьющиеся черные волосы.

— Видите ли, ее тело, — объясняла Джоди, такая же танцовщица, для которой тело имело первостепенное значение и которая в свои девятнадцать уже вовсю прибегала к инъекциям ботокса, — нельзя было, в общем-то, назвать *современным*. Надеюсь, вам ясно, что я имею в виду? — И всем, разумеется, было ясно, что именно Джоди имеет в виду, хотя слов ей явно не хватало.

Молодые женщины, решительно хлынувшие в те клубы, где демонстрировались танцы на пилоне, обладали, разумеется, фигурами самых различных типов, но — при всех допустимых различиях — каждая из них, безусловно, могла похвастаться красивым, гармонично подтянутым телом, что дается лишь многочасовыми упражнениями у шеста, а окончательно подтачивается обычной «диетой» на основе амфетамина и алкоголя. Но все они стремились ко вполне определенному идеалу, увиденному в сотнях DVD, в тысячах видеоклипов, в миллионах рекламных роликов и в неисчислимом множестве фотографий, опубликованных в женских журналах. Сильная, худощавая, даже, пожалуй, чуть

костлявая, с хорошо развитой мускулатурой и соблазнительными выпуклостями под упругой блестящей кожей женщина — вот идеал красавицы для этих танцовщиц с детскими смертельно-бледными лицами.

Но тело Куколки отличалось совсем иной, даже, пожалуй, немного старомодной и очень женственной красотой, что сильно выделяло ее среди других танцовщиц клуба с их мускулистыми ягодицами и бедрами. Вся она была какой-то более мягкой и округлой, ее плечи, руки, бедра и ягодицы были полнее, а движения в полном соответствии с этим тоже казались более плавными и округлыми.

Она подозревала, что ее внешность все же ценится не слишком высоко, и не доверяла тому вниманию, которое, тем не менее, оказывали ей многие клиенты клуба. Ей было невдомек, что внимание этих мужчин вызвано чем-то иным, а точнее, ее образом в целом — медлительностью движений, очарованием улыбки, приятной манерой общения, — что именно это способно привлечь куда сильнее, чем просто внешние данные. Но ей было уже двадцать шесть, хоть она и говорила всем, что ей двадцать два, и внешность для нее значение все-таки имела. Вдобавок к чересчур женственной фигуре у нее было еще и открытое, овальной формы лицо — то есть именно такое, которое в наши дни считается совершенно неправильным, немодным.

3

Если в клубе внешность Куколки и считалась в какой-то степени экзотической, то происхождение у нее было самым заурядным: типичная «уэсти», то есть

«с запада», хотя из какого конкретно пригорода, никто не знал. Во всяком случае, она всегда стремилась отсюда уехать и сделала это еще совсем юной, а потом все удивлялась тому, что практически совсем не тоскует по оставленному «родному дому». И не то чтобы она не помнила, где именно родилась; скорее с трудом могла себе представить, что этот «родной дом» у нее вообще когда-то имелся. Куколка давным-давно решила для себя, что детство и ранние годы жизни в дальнейшем особого значения для нее иметь не будут; а также твердо придерживалась того мнения, что никаких объяснений относительно своего происхождения никому давать не намерена.

— Видишь ли, дружок, я росла, как бродячая кошка, — выдала она как-то Джоди, которая ее «дружком» уж точно не могла считаться. — И родители в моем воспитании никак не участвовали. Вот и скажи, много ли ты знаешь кошек, которым была бы интересна история их семьи?

Разумеется, ее отец тоже был откуда-то родом, а ее мать — откуда-то еще, и у них тоже были родители, жизнь которых кому-то, наверное, могла быть в определенной степени интересна, да и жили они в таких местах и в такие времена, которые даже на наш взгляд представляются достаточно *экзотическими* — во всяком случае, ее описание вполне сгодилось бы для сериала или какого-нибудь толстого романа из числа тех, что продаются со скидкой в торговых центрах *Big W* на Рождество; ведь чем дальше человек углубляется в свое прошлое, тем более интригующим оно представляется: там могут оказаться, например, популярные артисты, или знаменитые преступники, или бизнесмены-не-

удачники, или на редкость удачливые шарлатаны — в общем, люди самого различного сорта и самых различных интересов, как невероятно обаятельные, так и внушающие ужас. Но даже если это и впрямь было так, то родители Куколки не только крайне мало знали о своих предках, но и совершенно ими не интересовались. Для них то, как складывалась жизнь их родителей и по какому пути пойдет жизнь их потомков, имело не больший смысл, чем дорожные пробки и скорость движения на шоссе.

Их мирок принадлежал к числу пригородных разновидностей, и жили они сегодняшним днем: дом, работа, покупка вещей и машин, встречи с приятелями, обновление жилища, короткий отпуск на курорте и приобретение новейших примочек — цифровой камеры, домашнего кинотеатра, например. Прошлое существовало для них как некий мусорный бак, битком набитый разными вышедшими из употребления вещами; там можно было найти спа для ног, турбодуховку, жаровню для пончиков, проигрыватель для виниловых пластинок, устаревшую камеру, кассетный видеомаягнитофон, гриль «Джордж Формен» и многое другое. И вообще, прошлое представлялось им мешаниной убогих цветов и стилей, над которыми, пожалуй, можно было только смеяться: стрижки «маллет», модные в 80-е, когда волосы спереди стригли коротко, а сзади оставляли длинные патлы; подкладные плечи; химическая завивка и перманент; званые чай и барбекю. Их внимания достаивался только каталог на текущую неделю, не требовавший депозита и предлагавший рассрочку на двадцать четыре месяца. Жизнь таких людей была

пуста, но они считали, что она им вполне удалась. Скука. Самые сильные воспоминания о прошлом у Куколки были связаны с мыльными сериалами, которые она смотрела по телевизору.

Она смотрела и «Соседей», и «Дом и далеко от него», а в восемь лет ее куда сильнее огорчила смерть героини Дафны Лоуренс, чем то, что ее мать, которая в прошлом году ушла от отца, забрав с собой двух младших сыновей, теперь живет в Херви-Бей с каким-то Реем, мастером по установке плавательных бассейнов из фибerglassа. Тогда Куколка еще не понимала, чего, собственно, от нее ждут в сложившихся обстоятельствах и что все это значит; но герои «Рамси-стрит» и «Саммер-Бей» ясно ей объяснили: поплакала, посмеялась, ну и живи себе дальше.

По видеоканалам Куколка смотрела разные музыкальные фильмы с невероятно красивыми девушками и невероятно толстыми и агрессивными мужчинами; и девушки, как ей представлялось, во всех отношениях явно затмевали мужчин — и внешностью, и умением красиво танцевать, и тем, что они по большей части не давали себе труда хоть что-то сказать, когда мужчины буквально рта не закрывали; в общем, ничто не смогло бы лучше подготовить ее к танцам у шеста.

Она утверждала, что ее единственное прочное воспоминание о матери (до того, как та сбежала от отца) — это жуткий китч, который мать сама намазала маслом на жалюзи в гостиной их пригородного дома. «Картина» создавала ощущение окна, из которого виден пляж Кута-Бич на острове Бали, где мать как раз и познакомилась со своим Реем.

Подростком Куколка изредка все же навещала мать в Херви-Бей. Рей довольно давно исчез из ее жизни, и теперь она была способна говорить только о сыновьях, младших братьях Куколки. Эти два толстых мальчика одевались, как взрослые рэперы, и все время орали «йо!» и «дай пять!», на американский манер стучаясь кулаками. С Куколкой мать держалась так, словно та была ее новой и не слишком интересной соседкой из дома напротив. А Куколке, в свою очередь, жизнь матери казалась очередной, не слишком удачной мыльной оперой или нескончаемым циклом песен, в которых говорилось о проблемах с наркотиками, о визитах полиции, о выпадении некоторых половых органов из штанов и о новых сексуальных партнерах. В общем, визиты к матери действовали на Куколку угнетающе. Она ездила к ней, исключительно повинувшись чувству долга, и в какой-то момент, решив, что смысла в этом мало, перестала это делать.

Когда через несколько лет она узнала, что мать погибла во время массового столкновения автомобилей на Хьюм-хайвей, то, естественно, огорчилась, но не слишком. У нее было такое ощущение, словно смерть матери — это скорее подтверждение ее долговременного отсутствия в жизни дочери, а отнюдь не его начало.

Возможно, Куколка рассказывала историю о разрисованных матерью жалюзи, потому что в этой бездарной мазне для нее воплотилась вся глупость и бессмысленность материнских надежд и упорного цепляния за неосуществимые мечты — даже если кому-то они и могли показаться великими. Жизнь, считала Куколка, позволяет человеку иметь только самые ма-

ленькие мечты и надежды, самые незначительные вещи — именно поэтому она и себе позволяла лишь самое малое. Ибо нечто иное, большее — что весьма наглядно доказывала жизнь ее матери, — всегда могло быть сокрушено. Что, впрочем, отнюдь не означало, что Куколка чувствовала себя несчастной; как раз наоборот. Она полагала, что именно такое восприятие жизни гарантирует ей счастье, и собиралась всегда смотреть прямо на солнце Сиднея, а не прятаться от него за плохими картинами, тщетно пытающимися создать иллюзию иной действительности.

Куколка не была мечтательницей, подобной Иисусу или Ницше. Себя она считала скорей реалисткой. А реалистическое восприятие жизни включает в себя также изрядную долю разочарованности — в качестве прививки от возможных дальнейших разочарований.

4

— В общем, дружок, я перебралась в большой город, — рассказывала Куколка Джоди, — и что из этого вышло?

А действительно, что? Она точно так же не понимала новый мир, как не понимала и свое отвращение и необъяснимый страх по отношению к миру собственного прошлого, но разве это имело какое-то значение? В Сиднее, по крайней мере, пять миллионов «уэсти» питают отвращение к «вонючему снобизму» северян и высокомерию жителей восточного побережья, а примерно миллион богачей с севера и востока презирают алчных, вульгарных и меркантильных